

Продолжение 4

(начало в газете Казачьи Ведомости № 3 2017г. и на сайте Союза казаков)

В ходе Национально-освободительной войны 1648-1654г.г. все предыдущие земельные акты бы

С ЭТОГО МОМЕНТА НАЧИНАЕТСЯ РАСПРОДАЖА ИНОРОДЦАМ И ПРОХОДИМЦАМ ВСЕ

Еще раз: когда ~~потообразованием и привнесением старшинского сословия~~ Рекрутировались

Попасть в ~~казацкое~~ сословие ~~из~~ ~~Полтавы~~ ~~свободных~~ ~~московских~~ ~~помещиков~~ ~~и~~ ~~рашнских~~ ~~воевод~~, ~~тысяч~~ ~~спра~~

В 1696 году, киевский воевода князь Барятинский получил от стародубского жителя Сусл

Начальные люди теперь в войске малороссийском все поляки. При Обидовской

В XVII века когда «реестровая старшина», начала захватывать земли, превращаться в помещиков и добиваться дворянских прав, популяризация **версии об отдельном от малороссийского народа рыцарском происхождении казачества приобрела**

особенную настойчивость.

«Летопись Грабянки», «Краткое описание о казацком малороссийском народе» П. Симоновского, труды Н. Маркевича и Д. Бантыш-Каменского, а также знаменитая «История Русов» - наиболее яркие этому подтверждения. (*позже эта версия перекинута и на русское казачество*).

Украинская националистическая и советская марксистская историографии до того затуманили и замутили картину казацких бунтов конца XVI и первой половины XVII века, что простому читателю трудно бывает понять их подлинный смысл. Меньше всего подходят они под категорию «национально-освободительных» движений. Национальной украинской идеи в то время в помине не было. Но и «антифеодальными» их можно назвать лишь в той степени, в какой принимали в них участие крестьяне, бежавшие на Низ в поисках избавления от нестерпимой крепостной неволи. **Эти малороссийские крестьяне были величайшими мучениками Речи Посполитой.**

Иезуит Скарга — яростный гонитель и ненавистник православия и русской народности, признавал, что нигде в мире помещики не обходятся более бесчеловечно со своими крестьянами, чем в Польше. «Владелец или королевский староста не только отнимает у бедного хлопа все, что он зарабатывает, но и убивает его самого, когда захочет и как захочет, и никто не скажет ему за это дурного слова».

Крестьянство изнемогало под бременем налогов и барщины; никаких трудов не хватало оплачивать непомерное мотовство и роскошь панов. Удивительно ли, что оно готово было на любую форму борьбы со своими угнетателями? Но, нашедши такую готовую форму в казацких бунтах, громя панские замки и фольварки, мужики делали не свое дело, а служили орудием достижения чужих выгод. Холопская ярость в борьбе с поляками всегда нравилась реестровому казачеству и входила в его расчеты. Численно казаки представляли небольшую группу; в самые хорошие времена она не превышала 10 000 человек, считая реестровых и сечевиков вместе. Они никогда, почти, не выдерживали столкновений с коронными войсками Речи Посполитой. Уже в самых ранних казацких восстаниях наблюдается стремление напустить прибежавших за пороги крестьян на замки магнатов. **Но механизм и управление восстаниями находились, неизменно, в руках реестровой казацкой старшины, а они добивались не уничтожения крепостного порядка, но старались правдами и неправдами втереться в феодальное сословие. Не о свободе шла тут речь, а о привилегиях.**

То был союз крестьянства со своими потенциальными поработителями, которым

удалось, с течением времени, прибрать его к рукам, заступив на место польских панов.

Конечно, малороссийскому казачеству предстояло, рано или поздно, - либо быть раздавленными польской государственностью, либо примириться с положением особого воинского сословия, наподобие позднейших донцов, черноморцев, терцев, если бы не грандиозное всенародное восстание 1648 г., открывшее реестровому казачеству возможности, о которых оно могло лишь мечтать. «Мне удалось совершить то, о чем я никогда и не мыслил» — признавался впоследствии Хмельницкий.

Выступления малороссийских крестьян поляки боялись гораздо больше, чем казаков. «Число его сообщников простирается теперь до 3000, - писал королю гетман Потоцкий по поводу выступления Хмельницкого. — Сохрани Бог, если он войдет с ними в Украину, тогда эти три тысячи возрастут до ста тысяч». **Уже первая битва при Желтых Водах выиграна была благодаря тому, что служившие у Стефана Потоцкого русские жолнеры (кавалерия) перешли на сторону Богдана.**

В битве под Корсунем содействие и помощь русского населения выразились в еще большей степени.

К Хмельницкому шли со всех сторон, так что войско его росло с необыкновенной быстротой. Под Пилявой оно было столь велико, что первоначальное ядро его, вышедшее из Запорожья, потонуло в толпе новых ополченцев. Когда в самый разгар восстания была собрана рада в Белой Церкви, на нее явилось свыше 70 000 человек. Никогда доселе казацкое войско не достигало подобной цифры. Но она далеко не выражает всего числа восставших. Большая часть шла не с Богданом, а рассыпалась в виде так называемых «загонов» по всему краю, внося ужас и опустошение в панские поместья. Загоны представляли собою громадные орды под начальством какого-нибудь Харченко Гайчуры или Лисенко Вовгуры. Поляки так их боялись, что один крик «вовгуровцы идут» повергал их в величайшее смятение.

На Подоле свирепствовали загоны Ганжи, Остапа Павлюка, Половьяна, Морозенко. Каждый из этих отрядов представлял солидное войско, а некоторые могли, по тем временам, почитаться громадными армиями. **«Вся эта сволочь, по выражению польского современника, — состояла из презренного мужичья, стекавшегося на погибель панов и народа польского».**

«Было время, — говорил гетман Сапега, — когда мы словно на медведя ходили укрощать украинские мятежи; тогда они были в зародыше, под предводительством какого-нибудь Павлюка; теперь иное дело! Мы ополчаемся за веру, отдаем жизнь нашу за семейства и достояние наше. Против нас не шайка своевольников, А ВЕЛИКАЯ СИЛА ЦЕЛОЙ РУСИ. ВЕСЬ НАРОД РУССКИЙ ИЗ СЕЛ, ДЕРЕВЕНЬ, МЕСТЕЧЕК, ГОРОДОВ, СВЯЗАННЫЙ УЗАМИ ВЕРЫ И КРОВИ С КАЗАКАМИ, ГРОЗИТ ИСКОРЕНИТЬ ШЛЯХЕТСКОЕ ПЛЕМЯ И СНЕСТИ С ЛИЦА ЗЕМЛИ РЕЧЬ ПОСПОЛИТУЮ».

Чего в течение полустолетия не могло добиться ни одно казачье восстание, было в несколько недель сделано МАЛОРОССИЙСКИМ КРЕСТЬЯНСТВОМ — панская власть на Украине сметена точно ураганом. Мало того, всему польскому государству нанесен удар, повергший его в состояние беспомощности. Казалось, еще одно усилие — и оно рухнет. Не успела Речь Посполитая опомниться от оглушительных ударов при Желтых Водах и под Корсунем, как последовала ужасающая катастрофа под Пилявой, где цвет польского рыцарства обращен в бегство, как стадо овец и это поражение, вместе с повсеместной резней **панов, ксендзов и евреев**, вызвало всеобщий ужас и оцепенение. Польша лежала у ног Хмельницкого. Вздумай он двинуться со своими полчищами в глубь страны, он до самой Варшавы не встретил бы сопротивления. Если бывают в жизни народов минуты, от которых зависит все их будущее, то такой минутой для малороссов было время после пилявской победы. Избавление от рабства, уничтожение напора воинствующего католичества, полное национальное освобождение — все было возможно и достижимо в тот миг. Народ это инстинктивно чувствовал и горел желанием довести до конца дело свободы.

Но тут и выяснилась разница между чаяниями народа и устремлениями старшины реестрового казачества. Повторилось то, что наблюдалось во всех предыдущих восстаниях, руководимых РЕЕСТРОВОЙ СТАРШИНОЙ: циничное предательство крестьян во имя специально своих личных интересов.

Возглавивший волею случая ожесточенную крестьянскую войну, Хмельницкий явно принял сторону иноземцев и иноверцев-помещиков против русских православных крестьян. Он не только не пошел на Варшаву и не разрушил Польши, но придумал обманный для своего войска маневр, двинувшись на Львов и потом долго осаждая без всякой надобности Замостье, не позволяя его в то же время взять. Он вступил в переговоры с поляками насчет избрания короля, послал на сейм своих представителей, дал торжественное обещание повиноваться приказам нового главы государства и, в самом деле, прекратил войну и отступил к Киеву по первому требованию Яна Казимира.

Вполне в духе феодальных традиций на протяжении всех шести лет войны с королем Богдан Хмельницкий тем не менее подписывался «гетман Его Королевской Милости Войска Запорожского». Это означало, что Богдан не собирался окончательно порывать с Польшей.

Для крестьян малороссов это было полной неожиданностью. Но их ждал другой удар: еще не достигнув Киева, где он должен был дожидаться посланников короля, гетман сделал важное политическое заявление, санкционировавшее существование крепостного права в Малой России. В обращенном к дворянству универсале он выражал пожелание, «чтобы сообразно воле и приказанию его королевского величества, вы не замыслили ничего дурного против нашей греческой религии и против ваших подданных, но жили с ними в мире и содержали их в своей милости». Крестьян возвращали опять в то состояние, из которого они только что вырвались.

Измена продолжалась и при новом столкновении с Польшей, в 1649 г. Когда крестьянская армия под Зборовом наголову разбила королевское войско, Хмельницкий не только не допустил пленения короля, но преклонил перед ним колени и заключил договор, который был вопиющим предательством малороссийского народа. По этому договору Украина оставалась по-прежнему под польской владой, а об отмене крепостного права не было сказано ни слова. Зато реестровое казачество возносилось на небывалую высоту. Состав его увеличивался до 20 000 человек, которые наделялись землей, получали право иметь двух подпомощников и становились на заветный путь постепенного превращения в «**лицарей**» (*шляхтичей*).

Старшина казачья приобретала право владеть «ранговыми маетностями» — особым фондом земель, предназначенным для пользования чинов казачьего войска на то время, пока человек занимал соответствующую должность. Самое войско казачье могло теперь смотреть на себя, как на войско короля и Речи Посполитой в русских землях; недаром посланник Богдана сказал, однажды, гетману Потоцкому: «Речь Посполитая может положиться на казаков; мы защищаем отечество». Гетман казацкий получал все чигиринское староство с городом Чигирином «на булаву», да к этому прихватил еще богатое местечко Млиев, доставлявшее своему прежнему владельцу, Конецпольскому, до 200 000 талеров дохода.

Но зборовским условиям так и не пришлось стать действительностью. **ПОКАЗАЧЕННО**
Е крестьянство не мирилось с положением, при котором лишь 20 000 реестровых счастливых получают землю и права свободных людей, а вся остальная масса должна оставаться в

подневольном состоянии. Крестьяне вилами и дубинами встречали панов, возвращавшихся в свои имения, чем вызвали шумные протесты поляков. Гетману Хмельницкому пришлось, во исполнение договора, карать ослушников смертью, рубить головы, вешать, сажать на кол, но огонь от этого не утихал. Казни раскрыли народу глаза на роль Богдана и ему, чтобы не лишиться окончательно престижа, ничего не оставалось, как снова возглавить народное ополчение, собравшееся в 1652 г. для отражения очередного польского нашествия на Украину.

В докладе не ставится целью дать подробный рассказ о восстании Хмельницкого, оно описано во многих трудах и монографиях. Цель данного доклада — обратить внимание на нерв событий, ясный для современников, но необычайно затемненный историками XIX–XX вв. Это важно, как для того, чтобы понять причину присоединения Украины к Московскому Государству, так и для того, чтобы понять, **почему на другой же день после присоединения, там началось «сепаратистское» движение и череда Гетманских измен и убийств.**

Москва, как известно, не горела особым желанием присоединить к себе Украину. Она отказала в этом Киевскому митрополиту **Иову Борецкому**, отправившему в 1625 г. посольство в Москву, не спешила отвечать согласием и на слезные челобитья Хмельницкого, просившего неоднократно о подданстве. Это важно иметь в виду, когда читаешь жалобы самостийнических историков на «лихих соседей», не позволивших будто бы учредиться независимой Украине в 1648–1653 г. г. Ни один из этих соседей —

Москва, Крым,
Турция — не имели на нее видов и никаких препятствий ее независимости не собирались чинить. Что же касается Польши, то после одержанных над нею блестящих побед ей можно было продиктовать любые условия. Не в соседях было дело, а в самой Украине. Там, попросту, не существовало в те дни идеи «незалежности», а была лишь идея перехода из одного подданства в другое. Но жила она в простом народе темном, неграмотном, непричастном ни к государственной, ни к общественной жизни, не имевшем никакого опыта политической организации. Представленный крестьянством, городскими жителями — ремесленниками и мелкими торговцами, он составлял самую многочисленную часть населения, но вследствие темноты и неопытности, роль его в событиях тех дней заключалась только в ярости, с которой он жег панские замки и дрался на полях сражений. Все руководство сосредотачивалось в руках **реестровой казачьей СТАРШИНЫ И ГЕТМАНА.**

А она не думала ни о независимости, ни об отделении от Польши. Ее усилия направлялись как раз на то,

чтобы удержать Украину под Польшей, а крестьян под панами, любой ценой.

Себе самой она мечтала получить панство, какового некоторые добились уже в 1649 г., после Зборовского мира. Политика реестрового казачества, его постоянные

предательства были причиной того, что победоносная, вначале, борьба стала оборачиваться, под конец, неудачами для Украины. Богдан и его реестровое окружение постоянно твердили одно и то же:

«Нехай кождый з своего тишится, нехай кождый своего глядит — казак своих вольностей, а те, которые не приняты в реестр, должны возвращаться к своим панам и платить им десятую копу».

Между тем, по донесениям московских осведомителей, «те де казаки попрежнему у пашни быть не хотят, а говорят что они вместе все за христианскую веру стояли, кровь проливали».

Удивительно ли, что измученный изменами, изверившийся в своих вождях, народ усматривал единственный выход в московском подданстве? Многие, не дожидаясь политического разрешения вопроса, снимались целыми селами и поветами и двигались в московские пределы.

Горький Белоцерковский мир дал начало массовому переселению – не только казаки, но и малорусское простонародье шло нескончаемым потоком с правобережья Днестра, с берегов Днестра и Буга на юго-западные окраины Московского государства. А московские владения тогда начинались на Десне, в верховьях **Сулы, Псела, Ворсклы, Донца, Дона.**

И «многие пустые земли даже за реки Донец и Дон великими городами и селами густо заселили».

Так появилась

Слободская Украина (

Слобожанщина

)

с городами Харьковом, Изюмом, Ахтыркой, Сумами, Острогожском. Переселившиеся сюда казаки- малорусы образовали пять полков. Только за полгода выросла Харьковщина — пустынная прежде область, заселенная сплошь переселенцами из польского государства.

Такое стихийное тяготение народа к Москве сбilo планы и расстроило всю игру **реестровой верхушки.**

Противостоять ему открыто она была не в силах. Стало ясно, что народ пойдет на что угодно, лишь бы не остаться под Польшей. Надо было либо, удерживать его попрежнему в составе Речи Посполитой и сделаться его откровенным врагом, либо решиться на рискованный маневр последовать за ним в другое государство и,

пользуясь обстоятельствами, постараться удержать над ним свое господство.
ИЗБРАЛИ ПОСЛЕДНЕЕ.

ПРОИЗОШЛО ЭТО НЕ БЕЗ ВНУТРЕННЕЙ БОРЬБЫ.

Часть матерых казаков во главе с реестровым полковником Богуном, Кошевым Атаманом И. Сирко откровенно высказались на Тарнопольской раде 1653 г. против Москвы, но большая часть, видя как «чернь» разразилась восторженными криками при упоминании о «царе восточном», приняла сторону хитрого Богдана.

Насчет истинных симпатий Хмельницкого и его окружения двух мнений быть не может — **это были полонофилы**; в московское подданство шли с величайшей неохотой и страхом. Пугала неизвестность казачьих судеб реестра при новой власти. Захочет ли Москва держать казачество, как особое сословие, не воспользуется ли стихийной приязнью к себе южнорусского народа и не произведет ли всеобщего уравнивания в правах, не делая разницы между казаком и вчерашним хлопом?

Свидетельством такого тревожного настроения явилась идея крымского и турецкого подданства, сделавшаяся вдруг популярной среди РЕЕСТРОВОЙ СТАРШИНЫ в самый момент переговоров с Москвой.

Казачьей реестровой элите она сулила полное бесконтрольное хозяйничанье в крае под покровительством такой власти, которая ее совсем бы не ограничивала, но от которой можно всегда получить защиту

Измена гетмана Выговского показала, как трудно оторвать Украину от Московского Государства. Каких-нибудь четыре года прошло со дня присоединения, а народ уже сжился с новым подданством так, что ни о каком другом слышать не хотел. Больше того, он ни о чем так не мечтал, как об усилении этого подданства. Ему явно не нравились те широкие права и привилегии, что реестровое казачество выхлопотало себе в ущерб простому народу.

ЛИКВИДАЦИЯ РЕЕСТРОВОГО КАЗАЧЕСТВА

В 1667 г. после передачи Россией Правобережной Украины под власть польского короля, реестровое казачество в Польше было **ликвидировано**.

После заключения Переяславского договора Гетманщина вместе с реестровым запорожским войском перешли в подчинение российского царя. В Русском царстве для днепровских казаков также велся реестр в Малороссийском приказе. Запорожское войско низовое (Сечь) ни в польский ни в русский реестр не входила.

В 1731—1733 годах для защиты границ Российской империи от татарских набегов усилиями левобережных и слободских полков и крестьян была построена система укреплений - [Украинская линия](#) .

Спасаясь от крымско- турецких союзников **гетмана Дорошенко**, малорусы массами переселялись не только на левый берег Днепра, но также на Донец, в Курские и Воронежские края.

Для Русского царства **Слобожанщина** была продолжением [Засечной черты](#) , как охрана южных границ царства от крымских и ногайских татар, именно поэтому царское правительство освобождало поселенцев от уплаты налогов, разрешало винокурение (на основной территории России был водочный откуп) и позволяло свободно заниматься доходными промыслами (например, соледобычей). Переселенцы безвозмездно владели определённым количеством свободной земли (право заимки), за ними сохранялись казацкие привилегии и самоуправление.

Слобожанщина имела самоуправление, в чём-то сходное с [Гетманщиной](#) . Иными словами существовало

полково-сотенное устройство

, где полк одновременно был как военной, так и территориальной единицей. Всего имелось пять полков:

Острогожский

(иначе— **Рыбинский**), **Харьковский**, **Сумской**, **Ахтырский** и **Изюмский**

.

В отличие от **Гетманщины** слободские полки не имели войсковых или [кошевых атаманов](#), и вся военная, административная и частично судебная власть на территории полка принадлежала казачьему полковнику. Он имел при себе [символы власти полка](#): печать, литавры, полковую [хоругвь](#). Военную и гражданскую администрацию составляла старшина (аналог офицерства): обозный, судья, есаул, хорунжий, и два писаря, которые входили в полковой Совет.

Все пять слободских полков разделялись на сотни, которых в 1734 году было 98. Сотенное управление осуществляли сотник, атаман, есаул, хорунжий и писарь. Каждый десяток имел десятника. Такая система власти отмечалась двумя характерными признаками: избирательностью старшины, но при этом жесткой иерархией полувоенной власти.

В оперативном отношении слободские полковники подчинялись белгородскому воеводе, назначаемому из Москвы.

В Российской империи после череды предательств и измен количество **Малороссийского (Запорожского) реестрового казачества постепенно уменьшалось** — если при Богдане Хмельницком его численность составляла **60 тыс. казаков**, то уже при гетмане Апостоле в 1727 году царское правительство сократило численность реестрового казачества до **о 10 тыс. казаков**. Все прочие были занесены в «подпомощники», так как не имели средств себя достойно вооружить. Окончательно реестровое казачество было отменено Екатериной II. В 1783 году вместо казацких было создано 10 кавалерийских иррегулярных, а впоследствии и регулярных полков.

С ликвидацией малороссийского реестрового казачьего войска при Екатерине II, **казацкая реестровая верхушка получила все права российского дворянства, которая**

веками безуспешно требовала этого от польской короны,
рядовые казаки-черкасы были записаны в сословие «малороссийских казаков»,
«войсковых обывателей» и «однодворцев». Их по данным малороссийского
генерал-губернатора князя Н.Г. Репнина, к началу XIX века насчитывали
приблизительно 500 000 душ обоего пола.

**Показаченые малороссийские крестьяне были большей частью записаны в
государственные крестьяне, а меньшей частью отданы обратно своим помещикам.**

□

пп

Гетманы и атаманы

Малороссийского казачества (реестр)

примечание

1

Богдан Хмельницкий

Не успел предать умер

2

Юрий Хмельницкий

предал

3

Иван Выговский

предал

4

Иван Брюховецкий

предал

Казачество: прошлое, настоящее и будущее

Автор: pavel
10.09.2019 18:47 -

5

Павел Тетеря /Моржковский/

предал

6

Гетман Малороссийских реестровых казаков в 1625—1628 годах. Михало Дорошен

Залил кровью Россию

7

Петр Сагайдачный

Залил кровью Россию

8

Иван Мазепа

предал

9

Гетман Левобережной Украины, поданный Русского Царя

Иван Самойлович

Предал

10

Гетман Правобережной Украины Петр Дорошенко

Вечный холоп турецкого султана

11

Гетман, поданный Русского Царя, Павел Полуботко

предал

12

Филипп Орлик сподвижник Мазепы

Предал, прятался у турок, принял ислам

13

Степан Опара, сотник Медведевский, полковник, гетман Правобережной У

подчиненный предателя Тетери

14

Кошевой Атаман Запорожской Сечи Иван Сирко

Поднял восстание против царя и «воевал окраинные русские города», в

Ребелызанты" (нестойкие, скандальные люди).

И вот новая страница из истории Малороссийского казачества.

Блестящая победа России в очередной Русско-турецкой войне 1787-1791гг. закончилась заключением Ясского мирного договора, подтвердившим присоединение Крыма и Кубани к России. Земли Крымского ханства являлись важными в геополитическом и военно-стратегическом отношении территориями. Seriously закрепиться на Кубани можно было только через колонизацию этого региона. Подобная задача была под силу только населению, совмещающему военную службу с хозяйственной деятельностью. Таким населением в Российской империи - были казаки. По свидетельству первых историков черноморского казачества Я.Г. Кухаренко и А.М. Туренко в Кременчуге во время путешествия Екатерины II по Южной России князь Г.А. Потемкин представил ей ряд бывших запорожских старшин, которые и поднесли государыни прошение о восстановлении упраздненного в 1775г. войска Запорожского. Момент для обращения с подобным прошением оказался вполне благоприятным – в воздухе уже крепко пахло порохом и в преддверии надвигающейся войны с Турцией русское правительство изыскивало различные меры по усилению военного потенциала страны. Одной из таких мер стало решение о создании нескольких казачьих войск. Г.А. Потемкин поручил двум секунд-майорам Сидору Билому и Антону Головатому собрать охотников в Екатеринославском наместничестве служивших в бывшей Сечи запорожской казаков. Первые итоги сбора были не утешительными и уже 12 октября Г.А. Потемкин разрешил набирать охотников из свободных людей. Вскоре началось зачисление в казаки и государственных крестьян.

Формирование будущего черноморского войска началось по ордеру князя Г.А. Потемкина от 20 августа 1787года.

Князь Г.А. Потемкин организовал из остатков Сечи, государственных крестьян и свободных людей "Войско верных казаков". Атаман запорожцев Сидор Белый погиб в бою с турками. Новым атаманом избрали любимца казаков верного сына русского Отечества Захария Чепегу.

Во время турецкой войны 1787-1791 гг. казаки практически всех куреней были разделены на пешую и конную команды, жили и воевали раздельно.

Захарий Чепега отличился в боях с турками и получил орден Святого Георгия 4-го класса. На поприще атамана, Чепега показал себя человеком большого ума, доброго сердца. Он отличался простотой в быту, с воинскими способностями, тактом в работе с подчиненными. В долголетней суровой борьбе с Турцией запорожцы заслужили

расположение императрицы Екатерины II.

В 1791 году закончилась Русско-турецкая война и в этом же году скончался покровитель черноморских казаков князь Г.А. Потемкин. С его смертью черноморцы оказались в тяжелом положении: территория между Бугом и Днестром, выделенная им в 1790г. для поселения войска, так и не была юридически закреплена за казаками.

Уже с ноября 1791г. войсковое руководство начинает активно ходатайствовать о выделении новых земель для поселения войска. В 1792 году 30 июня Екатерина II издает грамоту с наказом: "Войску Черноморскому (так именовали теперь запорожцев за их подвиги на Черном море) предлежит бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских". Им были пожалованы "в вечное пользование" земли на Кубани.

Войсковой судья Антон Головатый, посол запорожцев к императрице, ответил на такую щедрость блистательной речью: "Мы воздвигнем грады, населим села, сохраним бережность пределов. Наша преданность и усердие к тебе Мамо и любовь к Отечеству пребудут вечно, а сему свидетель - Всемогущий Бог". Наказом для всех, живущих сегодня на Кубани, звучат сегодня его слова.

Получив радостную весть из Москвы, казаки начали спешно готовиться к переселению на дарованные земли. Во время турецкой войны 1787-1791 гг. казаки практически всех куреней были разделены на пешую и конную команды, жили и воевали раздельно.

16 августа 1792г. из Очаковского лимана к берегам Тамани двинулась огромная эскадра. Осторожно двигаясь вдоль берегов Крыма, флотилия 25 августа 1792г. достигла берегов Тамани. Ориентировочная численность этого десанта 3247 человек.

Кавалерию и войсковой обоз (*команда в 2063 человека*) возглавил Захарий Чепега. 2 сентября 1792г. из Слободзеи (местечко на р. Днестр)они выступили на Кубань. В дороге на Кубань казаки, измотанные долгой дорогой, жарой, стали роптать, мечтали вернуться на старые места, на Украину. И только высокий авторитет атамана, вера и любовь к нему рядового казачества уняли ропот и возможный бунт.

Третий поток переселенцев составили 600 казаков под командованием полковника Кордовского. 4 сентября 1792 года они вышли из Слободзеи и в последних числах сентября достигли Керчи, откуда на войсковых лодках их переправили на Тамань.

26 апреля 1993 года выступила в поход оставшаяся часть войска с хозяйством и семьями казаков, во главе с А.А. Головатым.

ЧИСЛЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА.

Разрешение князя Г.А. Потемкина принимать в казаки не только бывших запорожцев, но и всех желающих свободных людей, резко изменило социальный состав войска. В войско устремились мелкопоместные и беспоместные малороссийские дворяне, торговцы и промышленники, торговлей дворяне, однодворцы и разночинцы и др. Поступали в Черноморское войско и представители других казачьих войск. В именном списке казаков всех куреней за 1793 г. встречаются «гетманские казаки», «малороссийские казаки», «донские и чугуевские казаки».

ЛИНЕЙНЫЕ КАЗАКИ НА КУБАНИ

Линейцами называют казаков, которые вышли из состава Кавказского линейного казачьего войска и при формировании Кубанского казачьего войска в 1860 году, *два линейных полка* образовали вместе с Черноморскими казаками **Кубанское казачье войско**

Первый из них - Кубанский полк, его члены были потомками донских и волжских казаков, переселившихся на среднюю Кубань непосредственно после вхождения Кубани в состав России в 1780-х годах.

Изначально планировалось переселить бо́льшую часть Донского войска, но это решение вызывало бурю протестов на Дону

, и тогда Антон Головатый и предложил Черноморцам уйти из Буджака на Кубань в 1790 году.

Второй - Хопёрский полк, эта группа казаков изначально обитала между реками Хопёр и Медведица с 1444 года. После восстания Булавина в 1708 году земля казаков была почти вычищена Петром I.

Часть булавинцев, ушедшая на Кубань, сформировала первых казаков-изгоев - Некрасовских казаков, позже ушедших на Балканы, а затем в Турцию.

Несмотря на фактическую очистку Хопра в 1716 году туда вернулись казаки, которые были вовлечены в Северную войну, и после помилования от воронежского губернатора им разрешили построить Новохопёрскую крепость.

За полвека Хопёрский полк снова вырос. Летом 1777 года, во время строительства Азовско-Моздокской линии, хопёрские казаки были переселены на Средний Кавказ, где они воевали против Кабарды и основали крепость Ставрополь. В 1828 году после покорения карачаевцев, они осели на верхней Кубани.

После образования Кубанского войска в 1860 году, старшинство было позаимствовано от хопёрских казаков, как старейших. В 1696 году хопёрцы отличились при взятии Азова во время Азовских походов Петра I.

Также был установлен войсковой праздник - 30 августа, день Александра Невского. Накануне революции линейцы населяли Кавказский, Лабинский, Майкопский и Баталпашинский отделы Кубанской области.

В череде разновремененно возникавших линейных подразделений Кубани Хоперский казачий полк занимает особое место. Эта «особость» мотивирована не только известным назначением старшинства всему войску (по 1696), но и исключительной ролью хоперцев в колонизации Северо-Западного Кавказа и их деятельным участием в создании всех последующих казачьих формирований правого фланга Кавказской линии.

Хоперцев можно заслуженно назвать «старожилами» Кубанского края: обосновавшиеся на Азово-Моздокской линии в 1778–1781 гг., они задолго до появления черноморцев познакомились и со степным кубанским правобережьем, и с ущельями и горами Черкессии, находясь под началом известных администраторов и военачальников конца XVIII в. П.С. Потемкина, С.А. Булгакова, П.А. Текелли, Ю. Б. Бибилова, Н.И. Германа, И.В. Гудовича.

В первой половине XIX века на Кубань переселялись государственные крестьяне, кантонисты и отставные солдаты, зачисляемые в казаки. Иногда они селились в уже существующих станицах, иногда образовывали новые.

Во главе Кубанского казачьего войска стоял наказной атаман (одновременно - начальник Кубанской области), который в военном отношении пользовался правами начальника дивизии, а в гражданском - правами губернатора. Он назначал атаманов отделов, которым подчинялись выборные атаманы станиц и хуторов. Высшим органом станичной власти был станичный сход, который избирал атамана и правление (состояло из атамана и двух избранных судей, с 1870г. - атаман, судьи, помощник атамана, писарь, казначей).

Станичные общества выполняли различные обязанности: войсковую, «общие по поиску» (содержание почтовых станций, ремонт дорог и мостов и др.), станичные (содержание «летучей почты», сопровождение арестантов, караульная служба и др.). В 1890 году был установлен день войскового праздника - 30 августа.

С 1891 года казаки избирали дополнительных судей, которые были кассационной инстанцией на решения станичных судов.

В 1863—1917 годах выходили «Кубанские войсковые ведомости»; в 1914—1917 гг.— журнал «Кубанский казачий вестник», печатались и другие издания.

Накануне 1914 г. войско имело около 1 300 000 казаков, 278 станиц и 32 хутора общей площадью 6,8 млн десятин земли. Оно подразделялось на 7 отделов: **Баталпашинский, Екатеринодарский, Ейский, Кавказский, Лабинский, Майкопский и Таманский.**